

Сяо Сучао едва приоткрыл губы, слова оправдания уже готовы были слететь с языка, но Кан Линъи опередила его. Сейчас Кан Линъи была похожа на загнанного зверя, охваченного пламенем ярости. Каждая мышца под кожей напряглась до предела от бушующей в груди гнева, готовая вот-вот порваться. Она, собрав последние жалкие остатки сил, сравнимых с догорающей свечой на ветру, с дрожью в руках, с огромным трудом приподнялась на кровати. Её роскошная ночная рубашка, некогда искусно расшитая золотыми нитями и украшенная россыпью жемчуга, теперь мялась на похудевшем теле, словно когда-то великолепный, но жестоко потрепанный бурей шелк, утративший всякое благородство. Плечи мелко подрагивали, эти едва заметные сотрясения звучали как безмолвный плач, обличающий не только полученное сильное ранение, но и невыносимое внутреннее негодование, похожее на бушующее море.

Её прежняя гладкая, блестящая, уложенная в изысканный пучок длинная грива теперь совершенно растрепалась, свободно падая по обе стороны лица. Несколько прядей, пропитанных холодным потом, липко прилипли к бледному лицу, напоминая ужасные шрамы. От прежней красоты, способной очаровать и повергнуть мир в хаос, остались лишь растрепанность и истощение, бывшее величие испарилось. Лишь глаза горели обжигающим гневом, словно два извергающихся вулкана, в которых накопившаяся ненависть была столь сильна, что, казалось, могла в одно мгновение обратить всё вокруг в пепел, в ничто.

«Посмотрите на эту жалкую картину!» — с трудом разжала сухие, потрескавшиеся губы Кан Линъи. Её голос, словно выдавленный из старого, прохудившегося мехов с огромным усилием, был наполнен разъедающей обидой, тяжело падая в воздух. «Мы с Шуэр бились насмерть на пороге смерти, снова и снова балансировали на грани жизни и смерти, пройдя через ад, чтобы с величайшим трудом вырвать эту ничемную жизнь из холодных, безжалостных рук Владыки Преисподней. Теперь это тело настолько слабо, что малейший ветерок может развеять его в прах, я даже палец не хочу шевелить. Все тело еще хранит остатки яда, голова тяжелая, словно окутана густым, непроницаемым туманом, и я никак не могу прийти в себя. А вы, развалившись здесь передо мной, еще умудряетесь разыгрывать эту драму о глубокой любви, действуя в унисон, с такой «искренней» согласованностью. Кто не знает, может, и вправду подумает, что я и Шуэр совершили что-то непростительное, что-то ужасное, и что-то вам должны!»

Каждое произнесенное ею слово словно царапало горло грубой наждачной бумагой, оставляя болезненные ощущения, подобно трудному, пронзительному стону старого меха. В словах таилась ненависть, подобная острым ледяным осколкам, способным легко пробить самую мягкую часть человеческого сердца; неприязнь была совершенно неприкрытой, выставленной напоказ, не позволяя её игнорировать. «Ваша так называемая глубокая дружба, для меня ничего не стоит, просто собачий бред! Прекратите притворяться и изображать преданность, мне от этого становится тошно. Вон, немедленно убирайтесь! Если будете и дальше здесь ошиваться, не вините меня за грубость!»

В конце она, словно исчерпав все свои силы, с трудом подняла и без того слабые руки. Пальцы дрожали, но с решимостью указывали на дверь, этот жест нес в себе непрекращаемую угрозу. Казалось, если Сяо Сучао и Гу Сюхань задержатся хоть на секунду, она, невзирая ни на что, бросится вперед и, используя последние остатки злости, вышвырнет этих двух раздражающих её людей за дверь.

Е Ваншу, съезжившись в стороне, уже наполнила глаза слезами. В тусклом мерцании свечи они блестели, словно крошечные звезды, но наполненные скорбью. Нижнюю губу она прикусила до появления мелких следов от зубов. Внутри неё скопились обида и беспомощность, словно ком ваты в горле, она несколько раз пыталась заговорить, но всякий раз острые, готовые взорваться от напряжения слова сдерживались. Оставалось лишь с полными беспомощности и печали глазами смотреть на Сяо и Гу, словно безмолвно умоляя поскорее утихнуть бурю и положить конец этим мучениям.

Глаза Сяо Сучао мгновенно покраснели, полные растерянности и смятения. Капельки пота, крупные, как горошины, промочили его волосы на лбу, пряди свисали вниз. Его прежнее элегантное спокойствие и уверенность исчезли без следа, осталась лишь жалкая растерянность. Он нерешительно сделал шаг вперед, но боялся еще больше разозлить уже вконец разгневанную Кан Линъи. Каждый его шаг был мучителен, словно он ступал по терновнику. Наконец, в двух шагах от кровати, он остановился, словно ноги приросли к земле. Голос его едва заметно дрожал, почти умоляя, он произнес: «Линъи, ты сейчас просто говорила в сердцах, да? Я знаю, у меня было много долгов перед тобой, и каждый из них причинил тебе бесчисленные страдания. Эти ошибки, словно острые ножи, вонзаются в мое сердце. Каждый раз, вспоминая, я испытываю сильную боль. Но в этот раз я решил исправиться.»

Он слегка поднял голову, глубоко вздохнул, грудь его заметно вздымалась, словно он собирал огромную решимость, такое движение, казалось, могло вторично взболтать окружающий воздух. Руки инстинктивно сжали край одежды, костяшки пальцев побелели от напряжения, словно только так он мог удержать ускользающую надежду, не давая ей выскользнуть из пальцев. «Я клянусь тебе, в будущем я приложу все силы, чтобы защитить тебя. Будь то открытые угрозы или скрытые стрелы, будь то призраки и демоны, скрывающиеся во тьме, пока я здесь, я ни на йоту не позволю тебе пострадать вновь. Я принесу тебе это сердце целиком, без всяких прикрас, чтобы ты могла увидеть его ясно, почувствовать его отчетливо. Так что, пожалуйста, не прогоняй меня, дай мне хотя бы малейший шанс, чтобы я мог доказать себе.» Говоря это, он не отрывал глаз от Кан Линъи, в его взгляде было столько искренности и мольбы, словно тонущий человек пытался ухватиться за последнюю соломинку; если эта соломинка ускользнет, он навсегда погрузится во тьму, лишившись всякой надежды.

Кан Линъи чувствовала, как гудит её голова. Умоляющие слова Сяо Сучао в её ушах звучали лишь как еще один раздражающий шум, словно назойливые мухи, жужжащие вокруг неё. Её брови плотно сошлись, образуя иероглиф «река», её нетерпение почти выплескивалось наружу. Она просто закрыла глаза, отстранившись от этого шума, и больше не обращала внимания на стоящего перед ней мужчину. Промолчав мгновение, она медленно открыла глаза, повернула голову к служанке, стоявшей в углу, и устало приказала: «Подойди сюда». Служанка поспешила приблизиться маленькими шажками, слегка поклонившись. Кан Линъи указала на беспорядок вокруг: осколки фарфора, разбросанные тут и там, тускло поблескивали в слабом свете, смятая постель, разбросанные вещи – всё это делало комнату неряшливой и гнетущей, словно поле боя после жестокой битвы. «Прибери здесь все, ни одного осколка не пропусти, а затем проветри комнату, выпусти всю эту гнетущую атмосферу.»

Сказав это, она слегка махнула рукой, её лицо выражало крайнюю усталость, даже движение руки казалось полным изнеможения: «Когда закончишь, можешь идти отдыхать. Ты тоже устала за это время. У меня здесь больше нет дел, так что не буду задерживать тебя. Если что-

то понадобится, я позову тебя.» Служанка поспешила кивнуть, затем быстро повернулась, чтобы взять инструменты для уборки. На мгновение звук щетки, скользящей по полу, стал единственным звуком в давящей атмосфере, монотонным и унылым.

Сяо Сучао словно прирос к месту. Ноги его, казалось, слились с полом, и он не мог сдвинуться ни на дюйм. Мышцы шеи напряглись, образуя четкие линии. Голова была поднята высоко, упрямство мгновенно заполнило все его существо, словно он хотел бросить вызов всему миру своей непокорностью. Глаза его расширились, в них смешались нежелание, нетерпение и страх. Его взгляд горел, прикованный к Кан Линъи. Губы его дрожали все сильнее, и слова, испускаясь, хлынули потоком: «Я не уйду! Даже если в твоих глазах я стал самым раздражающим, самым отвратительным существом, даже если мой вид вызывает у тебя лишь отвращение и презрение, как к отбросу, я твердо решил не сдвинуться ни на шаг.»

С этими словами он в отчаянии сделал два шага вперед, но тут же замер, словно перед ним разверзлась пасть какого-то чудовища. Руки его беспомощно замахали в воздухе, словно утопающий бесполезно бьется, пытаясь ухватиться за призрачную возможность, но все его усилия были напрасны. На лбу вздулись вены, пульсируя в такт его бешеному сердцу, каждое биение показывало его внутренние мучения. Голос его приобрел нотки плача, интонация непроизвольно повысилась: «Линъи, я прекрасно понимаю, что мои прошлые проступки, один за другим, глубоко тебя ранили. Каждый из этих проступков, словно нож, вонзался в твое сердце. Вспоминая это сейчас, словно бесчисленные ядовитые змеи терзают мое сердце и легкие, каждая змеиная хватка причиняет невыносимую боль, раскаяние захлестнуло меня, как бушующий прилив. Тысячи слов, повторяясь, превращаются лишь в это «прости». У меня в сердце одна лишь вина, прости...»

Рядом Гу Сюхань тоже выглядел решительным. Он плотно стиснул зубы, скулы напряглись, черты лица стали жесткими и напряженными, словно он был холодной статуей. Его взгляд был прикован к Е Ваншу. Упрямство его ни в чем не уступало Сяо Сучао, он явно намеревался остаться вместе с ним, даже если его осудит весь мир, он не отступит, готовый пойти на всё.

Кан Линъи, уже ослабленная болезнью, была еще больше раздражена упорством этих двоих. Голова её гудела, словно кипящий котел. Грудь её тяжело вздымалась, готовая вот-вот разорваться. Немногочисленные силы, которые она смогла собрать, были потрачены на подавление гнева. Она медленно повернула голову, холодно взглянула на Сяо Сучао. Её взгляд был подобен ледяному ветру, несущему осколки льда в студеную зимнюю ночь, он прямо хлестнул его, оставляя за собой пронизывающий холод, от которого хотелось содрогнуться. Затем, сквозь зубы, она произнесла слова, холодные и твердые, как ледяные сосульки: «Делай что хочешь! Если ты решил остаться здесь, то держи свою пасть на замке и не произноси больше ни слова. Если осмелишься шуметь, не вини меня за то, что я отвернусь от тебя и ты пожалеешь об этом!» Сказав это, она, исчерпав все силы, устало закрыла глаза, мягко откинулась на подушки, окончательно отгородившись от надоедливой шума. Мир наконец стал немного тише.

Кан Линъи даже не хотела на них смотреть. Она лишь слабо пробурчала что-то Е Ваншу: «Сонно...» Голос её был едва слышен, после чего она, словно потеряв всякую опору, рухнула спать. Как только голова коснулась подушки, её дыхание стало ровным и спокойным. Е Ваншу, увидев сестру в таком состоянии, немного успокоилась, и сонливость тут же нахлынула. Она медленно закрыла глаза и вскоре тоже крепко уснула. В комнате остались лишь их двоих

легкие дыхания, мерно вздымающиеся в тишине.

Е Нансянь лениво опирался на резную спинку стула из палисандра, его длинные пальцы неторопливо постукивали по подлокотнику, ритм был неспешным, как и его сегодняшнее беззаботное, с оттенком насмешки, настроение. Он слегка приподнял подбородок, узкие веки полуприкрыты, в глазах – явное издевательство, словно хитрая лиса, молча наблюдающая за разворачивающимся перед ней фарсом.

Сяо Сучао и Гу Сюхань, обычно столь высокомерные, сейчас полностью утратили прежнее достоинство и величие. Сяо Сучао полусогнул колени, наклонился вперед, руки беспомощно жестикулировали в воздухе, пытаясь ухватиться за призрачную возможность. Крупные капли пота стекали по лбу, промолив воротник. Гу Сюхань тоже выглядел жалко. Его обычно холодное лицо было полно тревоги, губы шептали, прежняя красноречивость исчезла, остались лишь неловкие, торопливые мольбы.

Е Нансянь, глядя на их жалкий вид, медленно изогнул губы в насмешливой улыбке, издал легкий выдох носом, который превратился в холодное фыканье: «Посмотрите на вас, куда делось ваше прежнее величие? Сейчас вы так жалобно скулите, это действительно заставляет широко открыть глаза.» Его голос был легким, но словно пропитанным морозом, словно ледяные иглы, вонзавшиеся в сердца обоих.

Сяо Сучао опустил голову, руки его инстинктивно сжали край одежды, костяшки пальцев побелели от напряжения. Он сжал губы, его голос был слегка хриплым и искренним. Он тихо сказал человеку перед ним: «Ты прав, наставляя меня. В этот момент он полностью утратил прежнюю браваду, его гордая спина слегка согнулась, демонстрируя позу раскаяния.

В комнате царила такая тишина, что, казалось, можно было услышать биение сердец. В этой давящей тишине Ло Юнь в спешке вбежала, её шаги были суетливыми и быстрыми. Как только она вошла в комнату, слова сорвались с её губ: «Ваше Величество, есть новости от семьи Вэнь.» Её голос в тишине звучал особенно резко, словно молния, внезапно разорвавшая спокойное ночное небо.

Глаза Сяо Сучао мгновенно расширились, сердце его сжалось, на лице мелькнула паника. Он бросился вперед, закрыл Ло Юнь рот рукой, с тревогой и нетерпением в глазах, понизив голос, он рявкнул: «Тише, она только уснула!» Эти слова он почти выдавил сквозь зубы, с непререкаемой властью. Ло Юнь тут же пришла в себя, поспешно кивнула, в её глазах еще оставалось волнение от полученной вести, а теперь и страх от собственной неосторожности.

Сяо Сучао, и без того встревоженный, был взбешен этой последней выходкой Ло Юнь. Он резко поднял взгляд, его острые глаза, казалось, могли прожечь дыру в Ло Юнь. Скороговоркой, четко артикулируя, он повторил: «Действия семьи Вэнь на этот раз загадочны, за ними кроются многочисленные интриги. У меня нет времени болтать с тобой! Пусть Цзян Моцань и Жун Цзюэ отправятся с тобой, чтобы докопаться до истины. Ты же знаешь, какой ценой Линьби пострадала. Сейчас, как только речь заходит о семье Вэнь, она мгновенно охватывается гневом и страхом, её эмоции совершенно неустойчивы.» Сказав это, он достал из рукава своего изысканного костюма диктофон. Корпус диктофона имел холодный металлический блеск, было

видно, что это тщательно изготовленный предмет. Сяо Сучао резко вложил его в руку Ло Юнь, выражение его лица было серьезным, почти доходящим до педантичности: «Возьми эту штуку и держи ее при себе. Включи ее на протяжении всего времени. Любое подозрительное движение, любое ключевое слово – ничего не упusti. Завтра ровно в восемь утра, безукоризненно отправь запись. Это решающий козырь, способный перевернуть всю игру. Если что-то пойдет не так, сможешь ли ты нести ответственность?» Сказав это, он сделал паузу, его взгляд стал еще глубже и пронзительнее, словно темный омут в холодную ночь: «А я не буду ждать. Я немедленно отдам распоряжение, чтобы люди непрерывно снимали все камеры наблюдения вокруг дома семьи Вэнь, ни одного слепого пятна не оставим. Мы окружим их с разных сторон, и тогда нам не составит труда раскрыть все их грязные тайны.»

Однако Ло Юнь, словно не заметив убийственного взгляда Сяо Сучао, изогнула губы в насмешливой дуге и без колебаний возразила: «Вы будете так добры? Не думайте, что я не знаю, ваши действия раньше сильно ранили сердце императрицы. А теперь вы вдруг так рветесь помочь, кто угодно, взглянув на вас, задумается, что за мысли скрываются за вашими намерениями.»

Сяо Сучао покраснел от гнева, вены на шее вздулись. Он сделал шаг вперед, возвышаясь над Ло Юнь, и прошипел сквозь зубы: «Не думай, что раз императрица оставила тебя рядом в качестве телохранителя, у тебя появилась смелость провоцировать меня. Для меня тебя утихомирить – дело нескольких минут! Не будь невеждой и не упusti момент для расследования. Тогда старые и новые долги будут рассчитаны вместе, и тебе будет нелегко!»

Ло Юнь уперла шею, небрежно сунула диктофон в карман. Навстречу гневу Сяо Сучао, она не отступила, а наоборот, повысила голос и продолжала возражать с полной уверенностью: «Но это правда так! Если бы кто-то другой стоял на моем месте, он бы тоже заподозрил ваши намерения. Ваше отношение к императрице раньше было всем видно. Вы пренебрегли её чувствами, раз за разом ранив её сердце. А теперь вы демонстрируете такую искренность, что любой заподозрит неладное. Так что не сердитесь, что я слишком много говорю!»

Сяо Сучао был так загнан в угол, что потерял дар речи. Губы его дрожали, после долгого молчания он смог выдать лишь одно слово. Обида, гнев и беспомощность нахлынули на него, причиняя боль в груди, но он ничего не мог поделать с этой упрямой и прямолинейной Ло Юнь, лишь стоял и сверлил её взглядом.

Гу Сюхань с игривой улыбкой на губах слегка склонил голову к Сяо Сучао, намеренно понизив голос, словно озорной ребенок, делящийся сплетнями, он поддразнил: «Не стоит к этому легкомысленно относиться. Ло Юнь известна своей смелостью. Каждый день она находит новые способы противоречить старшей сестре. Неважно, большое это дело или мелочь, если она считает что-то неправильным, её слова сыплются, как из пулемета, без всякой жалости. Другие, глядя на это, думают: «Вот сейчас она точно попадет в беду», но старшая сестра каждый раз лишь делает вид, что сердится, и ни разу не подумала её уволить. Только исходя из этого, ты должен понимать, что положение Ло Юнь в сердце старшей сестры несомненно особенное. Ты сейчас изо всех сил стараешься вернуть ее, так что будь предельно осторожен. Не дай богу, ты не только не завоеуешь расположение старшей сестры, но и сразу же обидишь этого «маленького императора», тогда тебе придется несладко.»

<http://bllate.org/book/19648/1932195>